

«О богиня Медуза, молю...» — строка из более чем сорока тысяч танка Ёсано Акико. Поэтессе, получившей прекрасное образование в японском духе, не чужды образы и из античной мифологии. Акико умоляет превратить себя — до возвращения любимого — в камень, что Медуза умела делать одним только взглядом, — муки долгого ожидания невыносимы.

Революция Мэйдзи 1863 года низвергла самоизоляцию Ямато. Открывшаяся миру нация все ближе к сокровищницам неведомых иноземных культур. Страна восходящего солнца прозревает: Гелиос владеет тем же Солнцем, что и Амаатэрасу. Медуза давно побеждена Персеем, из пролитой крови с ее отрубленной головы рожден Пегас. Но Акико все же слышит голос надежды...

В другой раз, будучи уже знаменитой, не осилив разлуки и не прося ни о чем, мчится она на крыльях поэтического скакуна в Европу. Ее любимый — муж Тэкан — уже в Париже: с новой эпохой Япония, загоревшись всем передовым, искала новое и свежее слово в Европе.

Путь Акико — через Владивосток...

*О, Небеса! Подайте золотую мне карету.
О, Буря! Крылья мне расправь,
Благослови мой путь с Востока.
Я, чтобы встретиться с тобой, любимый,
Пройти готова хоть до края света.
Какой ты мужественный и надежный!
Как бесконечно я тоскую без тебя!
О, как безумно я тебя люблю!
Каким огнем мое пылает сердце!
Душа моя стремится, словно птица,
В Париж, на запад, чтобы встретиться с тобой!*

Это стихотворение — «Отправляясь в путь» — написано в первые дни немыслимой для японской женщины начала XX века одиночной — уму непостижимой! — дороги. Строки пылающего сердца родились на борту русского парохода «Орел»: на нем Акико прибыла из порта Цуруга во Владивосток — в первых числах мая 1912 года.

Подробности путешествия — в ежедневных репортажах газете «Токио асахи симбун», объединенных по возвращении в Японию циклом «До Парижа».

...Весна 2012 года, Владивосток. Первым шагам поэтессы по материковой земле — век. У Покровского храма, недалеко от места швартовки «Орла» — два молодых японца. В руках — карта, но заметны затруднения в ориентировке.

— Can I help you? — предлагаю помощь.

— Oh! — обрадовались они, вскинув головы. — We need Oriental Institute.

Сибата Ясутоки и Судзуки Мотохиро — студенты из Токио, прилетели во Владивосток встретиться с... Ёсано Акико.

Веду их в сквер, к Школе региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (недавний Восточный институт ДВГУ, а до него — университетское общежитие), на Океанский проспект, 39. Здесь в 1994-м, усилиями востоковедов ДВГУ и Общества имени Ёсано Акико из города Сакаи, великой японской поэтессы установлен поэтический камень — с ее барельефом и этим высеченным на двух языках — русском и японском — стихотворением. У черного гранитного монолита вот-вот зашелестят свежей листвой березы, посаженные в пору моей учебы в университете и проживания в этом оживленном городском уголке.

Что испытывают японские юноши, молча погрузившись в иероглифические строки? Радость? Стрдание? Гордость за страну?..

Уже много знаю о поэтессе, подарившей миру и двадцать четыре сборника удивительных стихов, и множество статей, рассказов, эссе, и перевод со старояпонского «Повести о Гэндзи», литературного шедевра десятивековой давности, и жизнь одиннадцати детям. Знаю о непростой судьбе ее, напряженном творчестве. Душа погружается в так ценимую японской традиционной поэзией печаль одиночества.

Первое мое желание — посадить рядом с каменным образом кустик японской белой хаги (леспедыцы): такое «цветочное» поэтическое имя выбрала себе двадцатидвухлетняя Акико, так называли ее друзья. Литературных камней, предположительно, ей установлено около двухсот сорока — в местах, где она бывала. Пять — за пределами Японии: Париж, Далянь, Осло, Беркли, Владивосток. Но, по всему, появятся еще: поэтесса ступала на землю Харбина, Иркутска, Москвы, Варшавы...

Недалеко от поэтического камня — памятник буддийской молельне Урадзи-Хонгандзи, снесенной в 1952 году. Он окружен привезенными из Японии и посаженными в 2002-м двенадцатью элитными деревцами сакуры, уже набравшими цвет. Их было пятьдесят, по одному на каждый год небытия, но чисто по-русски — «неустановленными лицами» — недостающие переселены неведомо на чьи лужайки. Душа моя на пике печали одиночества:

*О май столетний!
Как расцвел ты сакурой
В саду Хонгандзи!
Черный гранит засиял
Твой, Есано Акико.*

Танка — жанр Ёсано Акико.

Второе желание — знать подробности пребывания поэтессы во Владивостоке. Возможно ли теперь, спустя полторы человеческих жизни? Пусть не так, как до мелочей известное японцам путешествие по их стране в те же годы Константина Бальмонта, но все же? Оказалось: наша — только ли обочинная? — историческая летопись чем дальше, тем туманнее.

Ёсано Акико находилась в городе, скорее всего, вечер и ночь — рейсы Довольного флота, чьи суда ходили и в Цуругу, подстраивались под расписание поездов Транссиба.

В книге «Древо плодоносящее» (2004) Валерия Евтушенко, потомка известного владивостокского рода Матвеевых, есть эпизод о контактах Зои, дочери главы этого семейства, литератора Николая Петровича Матвеева-Амурского, с Ёсано Акико в Киото в 1910 году. Раз так — Матвеевы могли встретить поэтессу. Но перебирание фактов и дат надоумливает: Евтушенко ошибся, приняв за Ёсано Акико актрису художественного театра Мацуй Сумако. Правда, в 1918-м поэт Венедикт Март (Матвеев), брат Зои, по его собственному признанию, приглашен был четой Тэкан-Ёсано в Токио, где посетил литературное общество «Сивакай», читал свои стихи, переводил танка Акико на русский. Вернувшись, рассказал о поездке в журнале «Природа и люди Дальнего Востока», сопроводив повествование своим циклом танка и хайку «Лепестки сакуры». Переводы пятистиший Есано Акико Март поместил в сборник «Песенцы». Но, следуя силлабическому строю 5-7-5-7-7 и в русском варианте, да еще зарифмовывая строки, чего нет и не подразумевается в оригинале, выхолостил поэтическое изящество, свойственное стихам Акико, сохранившееся в свободных изложениях других, более поздних переводчиков.

Родина Ёсано Акико — город Сакаи, близ Осаки: в нем под знаком Стрельца она появилась на свет седьмого декабря 1878 года. Слава пришла к поэтессе рано, с первым сборником любовной лирики «Спутанные волосы» (1901) и антивоенным стихотворением «Не отдавай, любимый, жизнь свою!» (1904), и не покинула до конца жизни.

Это ли не золотая ей карета?

Ёсано Акико — яркий публицист, общественный деятель. Резко выступила против японской интервенции на Дальнем Востоке, в 1922 году вместе с друзьями включилась в кампанию по сбору денег для голодающих детей Поволжья.

Девятнадцатого мая 2012 года в Японском центре во Владивостоке (из окон поэтический камень виден) — усилиями директора Оиси Сохэи и сотрудницы Ольги Сумароковой — собрались исследователи и поклонники творчества поэтессы, члены Литературного общества имени Ёсано Акико, созданного в краевом центре в конце 2007-го, — почтить память воспоминаниями о ней. С приветственным словом к гостям обратилась президент общества профессор Татьяна Бреславец. Пришло поздравление и из Японии, от Сакамото Юко, три года преподававшей японский язык в ДВГУ, активного участника общества. «Осуществлялось не только практическое знакомство студентов университета с японским языком, — пишет Сакамото-сан, — но и распространение знаний о японской культуре среди детей и простых жителей Владивостока». Памятен и литературный вечер «Многообразии японской литературы» тридцать первого января 2008 года в Матросском клубе — с участием Сакамото Юко и артистов Драматического театра Тихоокеанского флота.

О судьбе и творчестве Ёсано Акико увлекательно рассказала Аида Сулейменова, автор монографии «Свидание звезд» о жизни поэтессы. А какими рисунками украсили стены аудитории Японского центра питомцы преподавателя Детской школы искусств № 4 Тамары Пономаренко! Школой совместно с филиалом библиотеки № 21 проведен конкурс «Владивосток, май 1912 — 100 лет визиту поэтессы Ёсано Акико» по ее детскому рассказу «Николай и Бун-тян». Тут — и любимые поэтами криптомерии, и первый русский священник в Стране восходящего солнца святой Николай Японский, и белый пароход! Детская фантазия реальными и сказочными образами творчески сомкнула восточный и западный берега Японского моря. А в выставке «Владивосток в миниатюре» флористических коллажей в технике осибана, подготовленной Натальей Гайда, руководителем студии цветочного дизайна,

есть и работа «Поэтический камень Ёсано Акико». Делегация из префектуры Фукуи, посетив экспозицию вместе с профессором-японистом Зоей Моргун, оставила сердечную благодарственную запись.

Во второй половине дня девятнадцатого мая под переливчатый звон колоколов Покровского храма поклонники творчества Ёсано Акико, чья жизнь оборвалась двадцать девятого мая 1942 года, возложили к ее поэтическому камню цветы — хризантемы, розы, ромашки. Вечером, прогуливаясь, я подошел сюда вновь. Под ветерок с востока сложились еще строки танка:

*Затрепетали
Алые розы, обняв
Белую Хаги.
Как ты подгадал, дружок,
Дзэн-ветерок с Сакаи!*

Алый и белый — любимые цвета Ёсано Акико: аллегория страсти, чистоты и свежести. Таким и живет в классической литературе Японии образ Белой Хаги. Таким — живым — он «окаменел» и в России.

Ёсано АКИКО

Я заплакала,
Но подошла русская девушка,
Погладила по плечу
В белой каюте
Отплывающего корабля «Орел»...

С белого корабля
В порту Владивостока
Сошла на мол,
Накинув на голову
Легкий голубой платок...

Холодной весной
Приехав во Владивосток,
Заплакала,
Словно небесная царица,
Мечтавшая о любимом...

Русская девушка
С глазами цвета вод
Реки Сунгари,
Ах, и до чего же хорошо,
Живо пляшешь ты!

И ветви ивы,
Что склонились над водой,
И сибирская
Босоногая девушка, —
Как это печально!

Алым пятном
Выделяется одинокая фигура
Девушки
В потоке узников,
Уводимых в Сибирь...

На огромном небе
Гаснет в ночи
Одинокая искорка
Из лунной страны —
Тоненькая Павлова...

Два-три лепестка
Горной сакуры,
В спальне моей на полу
Поведали мне:
Тихий ветер задул.

Быстрее, чем град на ветру,
Летучей пушинки
Легче,
Проносится в сердце моем
Едва уловимая грусть.

Белеют плечи мои —
В деревянной бадье купаюсь;
Некто подумает, увидав:
Белых кувшинок бутоны
Распустились.

Влюбленное сердце
Свирепствует,
Словно лев разъяренный,
Но нежности райская птица
Здесь же, рядом.

Вот бы сразу
Щека твоя запламенела,
Едва здесь, в хижине горной
Жарко запылывает
Огонь в очаге.

И камелия,
И сливы цвет —
Равно белоснежны.
Лишь в красках персика вижу отсвет
Собственной страсти.

Всего-то: гость
Прислонился к откосу двери
В моем доме,
И сделался храмом дом.
Сумрак весенний.

Дождь за окном.
В ненастный осенний день
С кем перемолвиться словом?
Радостно стану
С сердцем твоим говорить.

Тайна таится
В белоснежном цветке камелии.
И камелия алая
Разгадать эту тайну
Не в силах.

РУСИСТ ИЗ КОФУ

Ворох книг на столе...

Перед ними, у приоткрытого окна зала периодики краевой библиотеки имени Горького — немолодой азиат. Листая страницы то слева, то справа, делает выписки в почти законченную толстую тетрадь большого формата. Ничто не отвлекает его от работы — ни входящие люди, ни шорох читаемых газет, ни сторонние телефонные звонки.

Не так давно в Приморье побывали корейские писатели, художники, музыканты. Подписано соглашение о творческом сотрудничестве между побратимами Пусаном и Владивостоком, планируется выпуск совместного альманаха. Я пришел заглянуть в подшивки газет — интересно развитие контактов.

Показалось: человек имеет какое-то отношение к событию.

Вскоре он уходил. Я поспешил следом, спросил уже за дверью, не из Кореи ли он.
— Из Японии...

Среди читателей Горьковки японцев не встречал. Извинился, поинтересовался, что же привело его сюда.

— Книги и журналы за последний год просматриваю, статьи о русском писателе Михаиле Булгакове ищу, — пояснил он с едва заметным, чисто японским «рычанием» на «л».

— Вы изучаете русскую литературу?

— Творчество Булгакова, — уточнил он. — Но и других писателей знаю.

— А я вашей древней литературой увлечен, — тотчас отозвался я с надеждой завязать разговор. — Читаю антологию «Манъесю», «Исэ моногатари», стихи и дневники Басё...

Так пришли к общему языку, познакомились.

Я спросил, как получилось, что интерес возник именно к Булгакову.

— Сорок лет назад в Токио роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» купил, — не торопясь подбирает русские слова Исихара-сан. — Он в Советском Союзе в 1967 году вышел, и его только-только на японский язык Ясуи Юко перевела. Сейчас семьдесят пять лет ей. Много интересного узнал. Теперь все, что связано с жизнью Булгакова, читаю.

Исихара-сан живет в городе Кофу, в ста километрах к западу от Токио и в двадцати от Фудзиямы, священной для каждого японца горы. С кистью и тушницей через Кофу проходил, создавая бессмертные хокку, великий Мацуо Басё:

*Туман и осенний дождь.
Но пусть невидима Фудзи.
Как радуется сердце она.*

В Кофу прирастал гравюрами цикл «Сто ликов Фудзи» знаменитого Хокусяя. Здесь в 1948 году появился на свет Исихара Кимимичи. Окончив местный университет, стал школьным учителем японского языка и литературы. Возделывает недалеко от дома свое небольшое рисовое поле с видом на повседневно снежную вершину спящего тысячелетия вулкана. Тут покоятся его предки...

— Извините, я должен идти, — глянув на часы, заторопился Исихара-сан.

Мы обменялись номерами телефонов.

Но уже к вечеру следующего дня случайно встретились в «Книгомире», на Алетской. Прошлись по городу. Сфотографировались у памятника на месте разрушенного храма Урадзио-Хонгандзи. Прогулялись по Покровскому парку — к скульптуре князьям Петру и Февронии Муромским, покровителям семейного счастья, любви и верности, к могиле Льва Анатольевича Пушкина, внучатого племянника Александра Пушкина. Да-да, он похоронен во Владивостоке. И спустились к Набережной, к краю стихнувшей воды Амурского залива. В Кофу нет моря. А тут его — сколько угодно, с трех сторон. Над дальними сопками — алый закат. Августовская духота спадает. Присев за столик в Спортивной гавани, угостились пивом и шашлыками.

Исихара-сан достает из пакета и подписывает книгу.

— Это подарок, — протягивает мне. — Пьесы «Батум» и «Александр Пушкин» Михаила Булгакова. Я их перевел на японский язык. Книга только что вышла.

— Ваш перевод?! — изумился я.

— Мой... — слегка смущенно, видимо, уловив в моих словах недоверие, но больше — с национальной японской скромностью, подтвердил Исихара-сан.

— Но ведь это очень сложно... Как вы смогли?

— Я Булгакова понял...

«Понял?! — польхнуло у меня в голове. — Непростого русского писателя — понять иностранцу?!» Я был озадачен тем, что не успел привыкнуть к Исихаре-сану как к писателю, а воспринимал его как обычного человека, любителя русской литературы.

Мои сомнения, должно быть, отразились на лице. Исихара-сан спешит пояснить:

— Когда «Мастера и Маргариту» читал, размышлять надо было. Над каждой страницей подолгу сидел, там большой религиозный смысл, философские картины быта. Захотел узнать: как Булгаков жил, внутренний мир его какой? Отец — профессор, дед — священник. Его родственник в Токио работал. Подробности биографии волновать стали. В 1973 году за книгами Булгакова в СССР поехал. Купил их в «Березке», валютном магазине. В книжных магазинах не было. В сорок восемь лет в университет Васэда поступил, русский язык учить. Восемь лет вместе с аспирантурой на это ушло. Потом переводить стал...

Я ошеломлен. Тридцать лет только на подготовку!

— Но ведь нужно все бросить...

— В четыре часа утра вставал, тексты разбирал, пробежки для здоровья делал, в школе и в поле работал. Булгакова, как только свободное время было, читал. Второй перевод «Мастера и Маргариты» профессор Мидзуно Тадао через десять лет после Ясуи Юко сделал. Сейчас их уже четыре. Я все знаю. Но пьесы никто не переводил. Трудно. Я начал с «Батума». Интересно стало, почему Булгаков против Сталина был. Моя версия: ревность из-за третьей жены Булгакова, Елены Сергеевны, была.

Исихара-сан много раз приезжал в Советский Союз. А четыре года назад побывал в Киеве, в музее писателя, и в Москве, тоже в музее.

— Съездил на могилу, долго стоял у нее, — рассказывает с большой грустью. — Это помогло в работе сильно. — И вдруг озадачил вопросом: — Почему Булгакова похоронили возле МХАТа? Он из него в Большой театр в знак протеста ушел из-за погубленного «Мольера». Почему так сделали? — Я лишь сокрушенно пожал плечами. — Во Владивосток подряд три года приезжаю. О Булгакове много пишут. В Санкт-Петербурге, в Пушкинском Доме, архив Булгакова находится, я там выписки делал. Но много всего неопубликованного. Почему?

Если бы знать — почему...

Сгущается вечер, красиво, под пеной облаков догорает закат. Исихара-сан забеспокоился: пора идти в университетское общежитие. Я повел его коротким путем по улице Амурской. По дороге спросил:

— Сколько же времени ушло на перевод?

— Один год. Каждый день переводил.

С восьми утра Исихара-сан посещает занятия по русскому языку в Русской школе при Дальневосточном федеральном университете — все три года, что приезжает во Владивосток. В библиотеку приходит во второй половине дня. Я живу рядом. В воскресенье зашел. Он читал статью «Трагедия авторства» Александра Нинова в журнале «Звезда» за 2006 год. Сопоставлял содержание с архивными выписками, своими исследованиями, с событиями жизни писателя в книгах Лидии Яновской и Мариэтты Чудаковой, булгаковедов.

— Ошибки и нестыковки есть, — подытожил разбор Исихара-сан. — Их повторил Алексей Варламов в серии «Жизнь замечательных людей», в своей книге о Булгакове, вот. — И указал на эти моменты. Пояснил: их не будет в японском издании. Вернее, все неточности в переводе сопроводят комментарии.

Исихара-сан знает все владивостокские книжные магазины, лавки, даже развалы, везде побывал. Ничего нового за эти дни не приобрел. Весь Булгаков, все, что издано о писателе, у него есть. Я рассказал об одном неприметном букинистическом магазинчике, пожалуй, единственном во Владивостоке, недалеко от своего дома. Но и в него Исихара-сан время от времени заходит.

И удивил еще раз: такой, поистине научный интерес к Булгакову — хобби.

— Это мое любимое дело, — пояснил. — Перевожу себе в удовольствие. Я пенсионер. Имею возможность ездить. А в школе — подрабатываю. Но сейчас каникулы.

Знаком Исихара-сан с творчеством Солженицына, Распутина, Пелевина. Хорошо ориентируется в современном литературном процессе. А ведь у наших писателей богатейший язык! И часто — затруднительный. «Архипелаг ГУЛАГ» не всякий русский прочтет до конца.

— Сколько же иероглифов вы знаете?

— Около тридцати тысяч.

Громадное число! Им владеют единицы из почти двух миллиардов иероглифочитающих жителей планеты.

Из поэтов старой Японии в России больше других знают и любят Басё — благодаря прекрасным переводам Веры Марковой и Натальи Фельдман его хокку и путевого дневника «По тропинкам Севера». И я попросил рассказать, какая память о Басё в Кофу?

Исихара-сан живо откликнулся:

— Басё в Кофу не раз бывал. Тогда это небольшая деревня Косю была. Ему четыре памятника в городе есть. Все — на средства его учеников, давно поставлены. И традиции чтут. В Яманаси, нашей префектуре, хайку (прежде — хокку. — В. М.) очень популярны. Своя знаменитость есть — поэт Иида Дакоцу. Но он недавно умер. Каждый год для школьников журнал с его трехстишьями издают. Его сын Иида Рюта тоже хайку пишет.

Без малого два месяца, весь отпуск, Исихара Кимимичи провел за книгами во Владивостоке, обогащая познания в русском языке. Ему необходимо до тонкостей вникнуть в творчество властителя своих дум — заканчивает перевод книги Алексея Варламова из серии ЖЗЛ, готовит рукопись к изданию.

В конце августа Исихара-сан уехал. Уже в самолете, о чем написал мне по приезду, продолжил работу над пьесами «Адам и Ева» и «Блаженство». Через год любимое дело вновь приведет во Владивосток — на четвертый курс Русской школы. Да и по крохам, говорит, Булгаков рассыпан в стольких книгах! Как можно больше надо просмотреть, сверить, уточнить.

Исихара-сан один из крупнейших специалистов нового времени по творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова — таково впечатление из нашего непродолжительного общения. И без сомнения: его трудами русская литература прирастает и укрепляется в японской и мировой культуре.

Спустя полгода Исихара-сан прислал электронное письмо с обложкой книги изданных на японском языке «Адама и Евы» и «Блаженства». Работа же над биографией Булгакова потребовала уточнений и сверки, возникла необходимость поездки в Киев очередным летом. Вышла задержка, и на Владивосток времени не осталось. Зимой я получил из Японии журнал. Полистав, нашел статью о вышедшей книге «Михаил Булгаков» Алексея Варламова в переводе Исихара Кимимичи. А на днях пришло письмо: «Дочитываю новую книгу Лидии Яновской. Очень трудно».

